

Петр Кожевников

ЛЮБОВЬ

Я люблю тебя!

В парке никто из них, конечно, не станет охотиться. Утки чувствуют себя спокойно и живут на пруду до перелета. Они смешно ныряют, деловито крякают, взлатают, шлепая хвостом и пузом по воде. Ивы, как женщины над тазом, сложились над своим отражением.

Людей вечером почти нет. Прогулка доходит на сон. Тропинки — как судьбы. Идешь по любой; дойдешь до конца — переходишь на другую.

Парк на острове. Кольцом вокруг — река. Бумажными корабликами скользят чайки. Ветер теплый. Гладит лицо. Перебирает волосы. Все это — ей?

Кому-то еще теребит волосы ветер. Еще в чьих-то глазах горит закат. Еще кто-то обернется на крик птицы.

Где ты? Где? Как искать тебя, любимый, и ищешь ли ты меня?

... Люба села на поваленный ствол. У ног — вода. Щелкнула замком. Достала из сумочки сигареты. Закуршка. Установилась на воду. У берега танцуют водоросли. Над волнистым песчаным дном пляшут мальчики. Поверху плывет грязь..

— Не торопитесь? — За спиной прохрустел песок.

— Нет, — не оглянулась девушка.

— Хочу с вами ногеверить, — сел рядом парень.

— О чём? — Бросила сигарету в воду. Разбежались круги. К сигарете пернулись рыбешки, тут же исчезнув.

— Не замужем?

— Нет. — Смущенно улынулась. Солнце сползло, бросив к ногам перламутровую тропу.

— Я очень одинок. Живу один. Хожу тут часто. Смотрю. Неповторимо. Охватывает невыразимое чувство. Готов плакать, кричать, смеяться, исповедоваться, — чтоб поняли. — Голос неровный. Люба чувствует, он с каждым словом напружинивается. Смотрит на него удивленно. С ульбкой. Мятые брюки.

Грязный плащ. Ботинки рваные. Какой неухоженный мальчик.

— Когда здесь, то знаешь: счастье рядом. Телько протянишь. Радость. Свобода. Все может стать твоим. — Повернулся к ней. — Очному этого не охватить. Должна быть любовь. Знаете, что это такое?

— Взаимная привязанность? Общие интересы? — Что — он?

— Да! А главное — близость. Слияние — вот вершина.

Наклонился. Взял за руки. Солнца — нет. — Вы согласитесь?

— Мне пора. — Чернова встала.

— Подождите. Вы мне нужны! Я все сделаю. — Голос — дрожь. Заплачет?

Ускорила шаг. Засеменила как утка, смешно переваливаясь в песок.

— Что ты? Постой! — Дыхание. Она бежит. Впереди шатается тень. Длинная, потом короткая, чернее — у фонаря. — Я люблю тебя!

Скамейка

Обед — сорок пять минут. Если в первых рядах прошмыгнуть через проходную, поесть быстро и сразу вернуться, успеешь посидеть на одной из облупленных скамеек около искрошенного фонтана, выставив солнцу колени. Можно поиграть в водейбол, попить с телефонистками чай, но лучший выбор — посидеть под солнцем с закрытыми глазами.

Люба курит. Сбивает нервно пепел. Она похожа на собаку. На непородистую сучку, виляющую хвостом прохожим. Она — ничья и мечется на перекрестке, несется вывали язык по набережной, сидит у заплеванного подъезда, раскинув задние лапы. По-собачьи улыбается. "Возьмите меня!"

Отобедавших все больше. Они как птицы стремятся сюда. К воде, прыскающей из ржавой, напоминающей ствол танковой душки, трубы. К зелени акаций, запыленные крыльшки которой дрожат на ветру, словно боятся, что их обдрнут. К цветам желтым, красным, вспыхивающим неожиданно для привыкшего, казалось бы, к ним глаза. К негромкой беседе о себе и погоде, ценах и телеэпопеях, квартирной и планах на отпуск.

Рядом пристраивается Вера. Отворачивается от льма.
Машет рукой.

— Я — все, — Люба, опустив веки, затягивается. Давит о каблук. — Еще десять минут.

— Господи! Десять, двадцать, сорок — какая разница!? — Вера вздыхает. П выше подтягивает юбку. — Совсем можно опутеть. Позже не приди, раньше не уйди. Стервь меня утром записала.

— Ты ей чего-нибудь подари. Достань. Она это оценит. — Чернова всовывает ноги в босоножки. — Косметику, тряпки,

— Пошла она! Еще что! Буду я! — Вера открыла глаза. Осмотрелась. — Ей. Потом Кобель. Потом Роде.

— Ну, как угодно. Я стерве помаду подарила. — Люба вытянула ноги. — Хожу как своя.

— Надолго ли? — Вера достала зеркальце. Повертела головой. Она выщипывает не только брови, но и стрелы, упорно прущие из подбородка. Постоянно воспаленный, он не отбеливается пудрой, а розовеет, как клюква в сахаре.

— Болтаю, а мне бежать надо. Шефня с обеда смылась. — Почеку свои схемки. — Чернова поднялась. Огляделась — пусто.

— Диплом получишь, уволишься. — Вера бережно ощупывала прыщ на подбородке.

— Куда? — Люба осматривала себя, дотягивая ягодицы, снимала чешуйки белил. — Хорошо там, где нас нет.

— Это так. А прибавят, — она расчесывала щеточкой брови. — Ну хоть червончик?

— Должны. Не больше пятнашки. — Сплела пальцы на затылке. Прищурилась на солнце. Потянулась.

— Стоило шести лет?

— А тебе?

Окончив когда-то институт, Вера ждет увеличения оклада. Пятидневная пытка для нее — восемь часов сорок пять минут, отданные вникуда — в бездну. Начальник поручает ей нарезать бумагу, отвезти на почту пакеты, куда-нибудь позвониться. Но и это — редко. Основное время она просто си-

дит. Читать — опасно. И так много разговоров. Стремиться к совершенству поверхностей лица и рук не столь рискованно. А, главное, всем понятно. Вот и сидит она, стараясь самую себя переглядеть в зеркало и, наверное, (спроси ее!) забыла, что хотела в жизни.

.. Пять. Пять. Пять. Книги. Музей. Фортепиано. Бабушка. Сказки. Принц. Пять. Пять. Английский. Немецкий. Французский. Отлично. Отлично.

Куда направят? — Направили.

— Я к вам, девочки! — Выпорхнула из кустов Надя. — Мой сволочь, меня вон как обработал. — Придавила желтую пропухлость под глазом. Подняла юбку. На бедре сине-красные лепестки кровоподтеков.

— Бросай его к чертям! — Вера вскочила. Растрогала руки. — Пьяница! Бьет!

— Я уже отошла. Вначале бешусь. Потом забываю. Мне... встрыски даже полезны. — Надя снимает с плеч листики акации. — Сама тоже, знаете, не подарок. Он не хуже меня. И Ленку любит. Кто она ему? А он ей всегда что-нибудь приносит. Дочкой зовет. И вообще, как без мужика?

— Встречайся, когда-невтерпеж, а ломай их ни к чему держать. Паразиты. — Вера свела брови. Соединила на животе руки.

— Боже мой! Вы, бабы, хоть с мужиками спите, а я, шлюха старая, так в девках и подохну. Никто не зарится! — замотала головой Люба.

.. — Сладенький, успокойся. И на тебя найдется. — Хотела Надя уговорить Чернову, но губы ее затряслись, глаза покраснели и из них выкалась слеза.

Сердитым взором смотрела Вера в дезеримую никому точку. Люба, всхлипывая, уперлась в другой, единой ей видимый предмет. Потирая синяк, Надя глядела на свой, скрытый от всех глаз, объект. Подруги стояли, отражая зелень листвы.

— Ой, девки! Никому-то мы не нужны! Никомушеньки! обняла Надя полруг за талии. Притянула. Они засмеялись вдруг. Люба — со слезами на щеках, Вера — с серьезным еще лицом, Надя, сморшив свое, будто гутаперчевое, лицико.

Ребенок

— Про Любкину любовь слышала? — спросила Надя, когда Чернова ушла, а подруги снова уселись.

— Уже призналась? Не представляю, чем занимаются, когда бывают одни. О чем им вообще говорить? — Вера гладила загорелые ноги. — Он совсем ребенок.

— Этот ребенок все бары знает. Они так и ходят из одного кабака в другой. — Лицо Нади блестит на солнце. Пахнет кремом. — А то он один идет, ее оставляет, Любка, как собака сидит, ждет. И рада-радашенька. Деньги из бабы только выматывает.

— Ну, а ей-то что надо? Вот чего не пойму. — Вера маскирует колени. Щиколотки.

— Ты, Вер, такая умная. О чем ни спроси — все знаешь, а таких вещей не понимаешь. — Надя захихикала. — Она у нас девственница.

— В курсе, что с того? Нашла бы хорошего парня. Вон хоть Баранова. — Дыхание стало коротким, порывистым. Вера сглотнула.

— Ты что-о-о! — Протянула Надя. — Он ей все разворотит! А Дима — мальчик. Чистенький, ничего не знает. Он ей как раз.

— А С Костем что, покончено? — Вера скосила глаза. — Она за него замуж собиралась.

— И выйдет еще.. Просто не может к нему неученой прийти. Понимаешь? — Надя взглянула на Веру, на ногти своей, на юбку, на фонтан. Уставилась в никуда. — Что он с ней будет делать?

— Как что? Раньше девинность ценилась, а теперь? Надеяется?

— Закончила гладить ноги. Скрестила руки на груди.

— Я ей говорила. Столько лет валанцаться и — ничего.

Надя сорвала ветку акации. По одному стала обрывать листья. — Этого никакой мужик не выдержит. — Клава рассказывала, как в проходной их расстаскивала. — Любка на Костю бросается, на шее виснет, а Клавка их разъединяет! Концерт!

Чего же ей еще?

Дома такие же фиолетовые как небо, освещенных окон все больше. Свет ярче. День удаляется от ее окна. Вера глубоко

вздохнула. Повернулась к нему. Глаза закрыты. Спит.. Или не хочет смотреть. Он умеет доставить радость. Она счастлива, когда он здесь. У нее.. Но не любит, как любила бы. Нет! Хотя, что в ее жизни сладостней этих часов? Чего же ей еще? Почему траурно, грустно, охота реветь, упаковать куда-то, куда? Что будет еще? Чего ждала? Искала? Мечты? Расчеты?

Учеба. Диплом. Радость? Работа. Дружья. Радость? Деньги, вещи. Мебель. Радость? Он.. Он.. Он.. Радость?

Как случайно приходишь ты к нам, Радость? Польхнешь вдруг где-то, кажется - в нас, подумаешь - во мне, и перекинешься на другого, а человек уйдет и запалит кого-то.. парованной ему радостью. Но и тебе ее погарши. Не огорчайся!

Где ты, Радость? Порой я чувствую тебя, но лгунаю, ты ли это? Нет!

Ты нужен мне только для этих часов. От фиолетового до черного города за окном. До зеркала, когда мы угадываем себя там, за стеклами. Больше деревьев, домов, прозрачные, как слайд, голые, горим мы в небе. В наших контурах вспыхивают фонари, и мы - как два созвездия. Ты.. и я..

Сел.. Потянулся за папиросами. Задымил. Спичка гаснет. Лицо снова почти невидимое, неясное, как все в комнате.

Вера включила торшер. Повернула лицо. Потный, отвернулся. Спина рыхлая, на боках складки. Руки слабые. Кожа бела до синевы.

И это все?

СЕГОДНЯ

- Безусловно, кто-то у нее есть.. Вера - любитель об этом распространяться. Я.. тура, обо всем базарю. Но кое-что проскользывает. Вот так.. - Закончила, словно захлопнула книгу, Надя.. - Одного не понимаю. Чего замуж не выходит? Принца ждет? Ей - под тридцать..

- Ну уж принца.. Просто кого-нибудь посолидней.. - Люба соединяет в одну цепь скрепки.. - Профессора. Или еврейчика богатого..

- Может быть.. - Устала от разговоров Надя.. - Ладно, зайнька.. Пойду своему звонить.. Потом - к тебе.. Не скучай без меня..

Она вышла, оставив запах духов и тела. Чернова взъерошила волосы. Зажала уши. Вытаращилась в окно.

Угол цеха. Штукатурка крошится, кирпичи — мясо из-под кожи. Дар из шланга по асфальту. Папки на стеллажах. Протертые сиденья стульев. Шариковая ручка без колпачка на ниточке!

Стук в дверь. Отворилась. На пороге Димка. Входит. Оглядывается. Надо заговорить. Молчит, как во сне. Смотрит на него. Идет к ней. Назад. К двери. Повернул ключ. К ней. Наклоняется. Притянул за голову. Целует. Она сжимает его запястье. Опускает голову. Сегодня. Сегодня. Сегодня.

Отошел. Сел. Прислонился к стене. Уперся в нее взглядом. Нагло. Димочка!

Телефон. Надя. С Верой договорилась. Все идут к ней. Своего отправила за вином. Все в порядке.

Ключ

Что же, надо уходить. Она пьяная, а убираться надо. Дима.. Вот он. Они пойдут вместе. Ключ. Где? Вот он.

Смеются. Пусть. Она ему отдастся. Да. Да. Да.

Рождение справляли ее, но хозяйка дня из нее не получилась. Привели. Народили. Или сама напилась? Конечно, быстро хмелеет. После тошнит. Потом чай. Сигареты. Одна за другой. Опять рвет. Снова чай. Сердце. Слезы. Ругается. Рвется домой. Желтыми от табака пальцами с алым лаком на ногтях трет глаза. Размазывает тушь.

— Любаша. — Заглянула в глаза Вера. — Мы пойдем. Я соседке позвонила. Договорилась. Только ты извини. Я уже переехала. Там не на чем спать.

— Спасибо. Чернова потрясла кулаком. В нем — ключ. — Вер, мы тоже пойдем. Помоги одеться.

— Любаша! Ты с ума сошла! Куда?! — Надя вошла в кухню. — Я тебя не отпущу!

— Надя. — Потянула за рукав халата Вера. — Пусть. Она ко мне. С Ребенком.

— А?! Действительно. — Надя выпустила дым поверх любимой головы. — Иди, Золотко, раз собралась.

Вот дура!

— Любка не похвасталась, что девственность потеряла? — спросила Вера.

— Нет, ни слова. Кто же? — Ульбка застыла на лице.

— Все тот же. Ребенок. Масса стеснений. Все-таки совратила. На стуле. Ребенок до того устал, что домой на трамвае поехал. Ее пешком отправил. Полонок.

— Ну и ну! Добилась своего! Я бы со стыда сдохла. Бабе двадцать шесть. С попривывчиком. — Губы трубочкой. Глава — копейки. — Вот дура!

Не Нужна!

Может быть, я сумасшедшая? Сама уже не знаю. Четыре часа проходила по Невскому. Хоть бы кто пристал! Никому не нужна!

Костя?! Но как сделать его моим? Чтоб был всегда. Чтоб стал мужем.

Димка? Не верится, что был здесь. Со мной. А сколько крови! Вот никогда не знала.

Подходит к окну. Внимательно всматривается. Словно там кто-то может быть, на улице. Один. Для нее.

Костя? Дима? Саша? Петя? Миша? Лена? Коля? Ваня? Гриша? Боря? Садится на подоконник. Закуривает. Поворачивается внутрь комнаты.
